

Глава 1

Сколот обычно пел в переходе на Пушкинской, недалеко от выхода на Тверскую. Место в железобетонной трубе было когда-то отвоёвано у торговцев сигаретами, застолблено, обжито и намолено, поэтому даже в непогоду, когда люди заскакивали мокрые от дождя или озябшие, всё равно расчётный один процент их задерживался, слушал и даже бросал деньги. Это если приходиться сразу после полудня и уходить уже в пятом часу, перед вечерним столпотворением, и петь без накала.

Он особенно не старался собрать толпу, потому что ленивое, вялотекущее движение позволяло видеть глаза прохожих и ловить их открытые взгляды. И редко, по настроению, из баловства, он добавлял в голос и гитару едва уловимый цвет звучания и запах, некую мускусную, кабарожью струю — и переход тотчас заполнялся народом, более всего юными ещё студентками, хотя песни были суровые, мужские. Сколот давал короткий, стремительный концерт, одновременно высматривая пути к отступлению, после чего подхватывал чехол с деньгами, на ходу прятал инструмент и убегал по ступеням наверх, на волю, поскольку стражи порядка чаще появлялись и ловили на точке. Если успевал улизнуть таким образом, то преследовали его только мимолётные, случайные поклонницы, от которых было легко отвязаться на многолюдной улице. Милиция же с него на следующий день глаз не спускала и по окончании концерта выгребала всё до копейки — в наказание.

Он надеялся, что Белая Ящерица придёт, как обещала. Даже если Валькирии учинили свой суд, лишили её волос и памяти, всё равно откликнется на песни, понятные ей одной! Поначалу Сколот свято верил в это и терпеливо ждал заветного мгновения, высматривая Белую Ящерицу в тол-

пе, хотя никогда не видел её лица. В тексты всех песен он непременно вплетал такие слова, по которым даже лишённая памяти Дева должна была узнать его, вспомнить, кто её выручил из неволи. Иногда он кричал, звал, как заблудившийся в лесу отрок, но за полтора года жизни в многомиллионном городе никто не отозвался лишенцу. Если не считать верных поклонников, которые тянулись к нему, словно сами были когда-то лишены Пути.

О Белой Ящерице знали или хотя бы слышали все — футбольные фанаты, скинхеды, байкеры, дворовые банды хулиганов и не примкнувшие к стаям подростки и студенты. Кто-то говорил о ней шёпотом, кто-то, напротив, гордился знакомством, однако никто толком не знал, где можно её разыскать и вообще существует ли она в самом деле или дерзкая предводительница юных и ярых изгоев — всего лишь миф.

Так или иначе, но в первые месяцы после возвращения в Москву, уподобившись бритоголовым, Сколот кочевал по группировкам из спальных районов столицы, участвовал в акциях, разгоняя проституток с улиц, громил ночные клубы и дискотеки, где собирались наркоманы и «голубые», поджигал дорогие машины педофилов и растлителей и лично спалил загородный дом наркобарона, использовав *соларис*. Пожар был необычный: четырёхэтажная вилла сотлела без видимого огня на глазах у десятков изумлённых пожарных с брандспойтами — вода только раздувала незримое пламя, испарялась, превращаясь в радугу, кирпич рассыпался в пыль. Несведущие посчитали, что в доме хранились некие химреагенты, сырьё для изготовления наркотиков, вызвавшие такой эффект.

Сколот ко всему подходил изобретательно и сначала придумал не просто гонять и запугивать ночных бабочек на панелях — рвать им крылья: отсекать космы или вовсе стричь наголо, ибо многие из них носили длинные, манящие волосы. Потом из подручных веществ и аптекарских лекарств он сделал коктейль для гей-клубов, вызывающий стойкий условный рефлекс поноса и рвоты, готовил зелье от наркоза-

висимости и уже тогда получил прозвище Алхимик. Однако его не прельщала слава героя уличных банд, и лечить пороки изгоев он не собирался; он всего лишь таким образом пытался выйти на след Белой Ящерицы и посылал ей сигналы. Если она и в самом деле на воле, должна была узнать о его подвигах и объявиться!

И вот после того как он превратил логово наркобарона в кучу пепла, приехала стая байкеров, которые и сообщили, что его желает видеть сама незримая предводительница неформалов. Всё происходило уже в начале бесснежной зимы, ночью, тайно и с соблюдением строгой конспирации. Сначала долго катались на мотоциклах по улицам и пригородным трассам, затем по каким-то тёмным и грязным просёлкам, путая следы, и наконец въехали на территорию бывшего пионерского лагеря, где горел костёр. Белая Ящерица оказалась рослой блондинкой в кожаном байкерском наряде, и зелёные, изумрудные глаза знакомо светились в отблесках костра, а самое впечатляющее — длинные, распущенные космы покрывали затянутые в кожу плечи и высокую грудь. И всё равно Сколот сразу же насторожился, не ощутив того трепетного волнения, что охватило его во флигеле Музея забытых вещей, когда он впервые прикоснулся к её руке.

Они остались вдвоём у костра и откровенно рассматривали друг друга — сопровождавшие его байкеры унеслись за высокие ворота. Сколот ещё ждал некоего опознавательного знака, слова, которые бы подтвердили, что перед ним — та самая пленница из подвалов музея. И казалось, сейчас она стряхнёт с себя самоуверенно-величавую маску, может быть, даже засмеётся или улыбнётся и скажет: «Ну, здравствуй, Сколот! Хочь послушать твои песни».

Огонь горел весело, ярко, тихий сосновый лес золотился вокруг, ночная тишина наполнялась ожиданием скорой зимы — всё располагало к тому, чтобы петь у костра.

— Ты классный парень, Алхимик, — проговорила она низким, манящим, но совершенно незнакомым голосом. — Теперь будешь всегда рядом со мной. Завтра надо устроить ещё один фейерверк.

— Я искал Белую Ящерицу, — разочарованно признался Сколот.

— Я — Белая Ящерица, — заявила эта самозванка. — Иди в моё логово и жди меня. Ты заслужил награду!

Она указала на синий домик пионерского лагеря и скрылась за ближайшими соснами.

Ни обещанная награда, ни тем паче роль поджигателя его не привлекали. Сколот перемахнул забор пионерского лагеря и после долгих блужданий вернулся в Москву.

Ещё два месяца он отращивал волосы и отвоёвывал точку на Перекрёстке Путей — в железобетонной трубе.

Среди слушателей у него, как у всякого певца, были и неистовые фанаты — женщина в инвалидной коляске, которую сопровождал седеющий, невозмутимый и глухонемой человек; задумчивый, самоуглублённый парень с китайской бородкой; безжизненная, флегматичная девушка, похожая на сказочную Мальвину, и ещё несколько разновозрастных людей, которых он узнавал по глазам. Кроме этой малахольной Мальвины, наверное влюблённой в певца, остальные появлялись не каждый день и поодиночке, приходили заранее и даже здоровались со Сколотом сдержанными кивками, и тогда он пел только для них, не скрывая собственных чувств. Они никогда не бросали денег, но благодарили так же, кивками, и исчезали. И была ещё одна молодая женщина, музыкальный продюсер, которая записывала песни на диктофон, приставала с предложениями прослушаться в её коллективе и совала вместо денег визитки. Однажды принесла рекламный плакат, где были фото девушек из её группы — стриженные под мальчиков, пирсингованные до невозможности, однако с силиконовой пышногрудостью.

— Пожалуйста, придите к нам! — умоляла и заманивала она. — Так нравятся ваши песни! Да, я понимаю, это неформат. Но мы обязательно что-нибудь придумаем. Может, напишете для нас песню? Аранжировку мы сделаем сами. Смотрите, какие у нас девушки!

Он обещал и не приходил, и песни написать не мог, поскольку не знал, как и что они исполняют.

Сколот умышленно одевался в «концертные» костюмы, подчёркивающие мужское начало, в основном в кожу, носил аккуратную бороду, однако стригся редко, а представление о женской красоте имел совершенно иное. Ему нравились традиционные, длинноволосые девушки, которых он умышленно пытался зачаровать, искутить голосом, привлечь внимание смыслом песни, взглядом манил и даже подарки делал, чтоб приручить, приблизить, заманить. И хотя они восторженно слушали, вроде бы поддавались искусству, однако во второй раз никогда не возвращались или приходили, изменившись до неузнаваемости.

После концертов в переходе Сколот шёл домой, если не попадал в милицию. Стражи порядка считали его блаженным, поскольку он безропотно отдавал бумажки, но умолял не забирать мелкую монету, которой иногда набиралось за рабочий день до двухсот рублей: песни его слушали в основном подростки, студенты и бедные люди — те, кто носит в карманах мелочь. Он жил на съёмной квартире первого этажа, за решётками и железными дверями, как в крепости. После шумного течения народа в переходе он желал одиночества, но был ему не рад, ибо остро чувствовал сиротство.

Сколот знал свою участь: со временем он должен был незаметно сойти с ума, стать юродивым и, обрастая шерстью, смириться со своей судьбой, поэтому карабкался, держался из последних сил, изобретая способы, как отодвинуть по-дальше роковой срок.

И ещё он ждал посланную Стратигом Дару или даже его самого. Если вершитель судеб исполнит свой замысел и передаст китайцам технологию солариса, ему непременно потребуется воспользоваться активизатором. А этот немудрёный с виду прибор не работал и не мог работать в чужих руках, поскольку в его память, на крохотную серебряную пластинку, были заложены индивидуальные параметры Сколота. Время шло, но Стратиг словно забыл и о нём, и о топливе. И эта полная изоляция от мира гоев подталкивала лишенца к действиям.

Первая попытка снова найти дорогу в Музей забытых вещей закончилась неудачно: вместо Великого Новгорода он оказался в Нижнем и потом кое-как вернулся в Москву. Во второй раз Сколот решил не доверяться поездкам, купленным билетам и проводницам, взял гитару и отправился пешком по железной дороге, тщательно изучив маршрут на картах. Он вышел с Ленинградского вокзала и в течение восьми дней шагал по шпалам, считая километры и ориентируясь по населённым пунктам. Он знал, что спроектированные ещё в XIX веке старые железные дороги идут, точно сообразуясь с земными Путиями и Перекрёстками, так что заплутать невозможно. Однако на девятый день он вновь очутился в точке, откуда вышел, — на том же Ленинградском вокзале.

Сколот всё время мыслил отыскать хотя бы родителей и делал много попыток найти мать, поскольку она была где-то близко, но так и не нашёл к ней дороги; отца же он только мечтал увидеть, ибо знал, что это вообще невозможно, если тот не пожелает или не подвернётся случай. Конечно, призрачная надежда оставалась, и она, эта надежда, тоже вынуждала его петь в переходе: если не Белая Ящерица, не отец, то всё равно кто-либо из гоев должен услышать его!

Через год, когда волосы уже отросли до плеч, он начал ощущать на себе смирительную рубашку: шерсть густо вырослась на груди и выползала на спину. Песни в переходе уже не спасали, и тогда он рискнул заняться ремеслом, коему был обучен в истоке реки Ура. У Сколота был небольшой запас веществ, с помощью которых можно было не управлять, но хотя бы ставить опыты по управлению материями и тем самым сохранять разум. Поэтому, возвращаясь домой, он не считая сортировал выручку: бумажки складывал в пакет возле двери — их потом забирала квартирная хозяйка в качестве оплаты, — а мелочь ссыпал в две разные коробки, жёлтые и светлые монеты отдельно. Когда их накапливалось достаточное количество, Сколот приступал к алхимическому священнодействию. Сначала снимал никелевое покрытие с рублёвых монет и томпак с полтинников, после чего плавил сталь в самодельном тигле, выгонял из неё

всё лишнее, пока не получалось химически чистое железо, и только потом варил из него серебро и золото, добавляя присадки.

Впрочем, получаемый материал только по виду, удельному весу и сверхпроводимости соответствовал драгоценным металлам, на самом деле по составу и структуре он был другим. Сталь усаживалась вчетверо, пока приобретала перевозданные качества, а когда из железа варилось золото — ещё вдвое, поэтому Сколот не успевал в один приём переуплотнить металл, и процесс растягивался на несколько дней, да ещё почти сутки уходили на выведение высшей пробы. Соседи не подозревали, что творится у них за стеной и внизу, поскольку при горении топливо вбирало в себя углекислоту из воздуха и выделяло газообразный чистый кислород, который, хоть и уносился кухонной вытяжкой, однако из-за старости вентиляции частично попадал ко всем верхним соседям, и они это чувствовали. Только не могли объяснить, отчего в некоторые дни и ночи дышать становится легко, как в лесу, и они, привыкшие к городской вони асфальта и автомобильного выхлопа, даже улавливают некие цветочные, травяные запахи.

Тайна ювелирного дела чуть не вырвалась наружу, когда у новобрачной семьи, поселившейся на втором этаже, вдруг начали цвести кактусы, которые будто бы достались им в наследство от старых хозяев квартиры. Никогда не цвели, вызывали только аллергию и тем самым тяготили супругов. Сначала они думали выбросить эти колючки, потом те, что похуже, расставили по всем подоконникам лестницы в надежде, что разберут соседи, а которые получше носили по квартирам, уговаривая хозяев. К Сколоту они навдывались несколько раз, вдвоём и поодиночке, и всё время приносили разные горшки с тёмно-зелёными, величиной с человеческую голову, уродливыми шарами в шипах и наростах или с плоскими, но высокими листьями, напоминающими ослиные уши.

— Если хотите, я сама буду поливать и ухаживать, — вызвалась однажды соседка. — Нам нельзя держать их в квар-

тире. У мужа, оказывается, страшная аллергия. А вы мужчина одинокий, цветы не помешают! Ну посмотрите, какая прелесть!

Она вертела горшок, но более вертелась сама, словно показывая собственную красоту. И всё это в присутствии мужа!

Сколот бы взял, поскольку эти пустынные растения особого ухода не требовали, но соседка с редким и колючим именем Роксана его смущала и вводила в заблуждение тем, что, не глядя даже на присутствие молчаливого супруга, заметно и как-то навязчиво кокетничала, смотрела неким завлекающим взором глубоких, зелёных, как морская вода, глаз. На это её странное поведение можно было бы не обращать внимания или отнести его к привычной манере держаться, но Роксана Сколоту напоминала Белую Ящерицу, и каждый её новый приход всё сильнее волновал и смущал его. Сдерживая свои чувства, он напускал на себя вид очень занятого человека и отказывался брать растения, ибо завести какие-либо отношения с замужней соседкой, даже самые невинные, казалось ему мелким и подлым воровством.

И вдруг кактусы стали нежно-зелёными, как глаза Роксаны, и в один день буйно зацвели такими же нежными розовыми, белыми и золотистыми огромными цветами. Причём все сразу, в том числе и те, что прижились на подоконниках лестничной площадки, в результате чего половина их в одну ночь исчезла. Пожалуй, растащили бы все, но в подъезде нашлись знатоки, уверявшие, что цветы распускаются всего на пару дней и увядают до следующего года, однако эти продержались больше недели, а на некоторых, с мясистыми колючими листьями, и того дольше. Восхищённая соседка дважды прибегала к Сколоту и сначала звала к себе полюбоваться, а поскольку он вежливо отказывался, вдруг принесла один могучий кактус, поставила на шкафчик в прихожей и с манящим смешком как-то панибратски заявила:

— Как хочешь, назад не понесу. Руки оттянула, пальчики мои затекли... Алёша, ну ты только посмотри, какое чудо! А запах...

И сама обдала его манящим запахом дыхания.

Сколот пожалел, что впустил её, и отступил на шаг, чтобы сохранить дистанцию.

— Ты только понюхай! — восторженно предложила она и сама уткнулась носиком в огромный цветок. — Какой чудесный аромат!.. Или у тебя тоже аллергия?

— Нет, — проронил он, стискивая зубы.

Роксана загадочно улыбнулась. Едва касаясь, огладила пальчиками розовые лепестки и доверительно прошептала:

— Кстати, он зацвёл благодаря твоим опытам.

— Каким опытам? — как можно равнодушнее спросил Сколот, однако напрягся.

— Алхимическим. Ты же по ночам колдуешь под кухонной вытяжкой? Не бойся, Алёша, я никому об этом не скажу. Даже Корсакову. Пока-пока! — помахала рукой и ушла.

Своего аллергика она звала по фамилии, которая в её устах звучала как прозвище, и Сколот давно убедился, что главный в этой молодой семье не муж, коему на вид было лет сорок, а Роксана: даже в колючем имени угадывались сила и власть. Всегда молчаливо-вежливый, Марат Корсаков с виду напоминал компьютерщика — вечно отсутствующий, неуловимый взгляд, длиннопалые, по-кошачьи мягкие руки пианиста (не вписывался в образ лишь деловой костюм, в котором он даже мусор выносил). Но это всё была лишь внешняя бесстрастность: на самом деле уже не молодой муж юной соседки был полон страсти и энергии, ибо почти каждую ночь над головой Сколота раздавались стоны, женские всхлипы и прочие характерные звуки, которые могли взбудоражить воображение любого холостяка. И чтобы не искушать музыкальный слух, Сколот уходил на кухню, там плавил сталь и тайно злорадствовал, когда среди ночи на аллергика напал чих. Рано утром сосед уезжал на работу и возвращался поздно, а его жена, судя по скрипу паркета над головой, целые дни проводила в квартире, редко отлучалась в магазин — это уже судя по стуку каблучков на лестнице.

Все звуки наверху замирали, когда Сколот начинал петь, то есть Роксана слушала, и от этого было печально и приятно, как если бы он не вкушал, но любовался запретным пло-

дом. И тогда ему хотелось, чтобы она пришла ещё, например полить отцветший кактус...

И она пришла, только придумала другой повод.

После того как Роксана, по сути, раскрыла его занятия алхимией, Сколот на время прекратил опыты, убрал подальше с глаз вещества и оборудование и всё время теперь сочинял и репетировал новые песни. Однажды утром соседка внезапно позвонила в дверь и обдала ветром восторга, от которого и сама задыхалась:

— Ты сейчас пел!.. Про волка-одиночку! Я услышала!.. Знаешь, на что похожи твои песни? Поехали со мной!

— Куда?

— В музей!

Он на мгновение замер, потом спросил осторожно, словно боялся её спугнуть:

— В какой музей?

— Потом скажу. Это потрясающе! Я видела твои песни на картинах!

— На картинах?..

Он бы не поехал и нашёл бы причины отказать — пора было собираться на работу, в переход, но последние слова Роксаны опажули внезапной и неясной надеждой, неким предчувствием открытия. А она ко всему ещё добавила интригующей таинственности.

— Поедем поодиночке, — прошептала с оглядкой. — Нельзя, чтоб нас видели вместе. Ты же понимаешь почему... Выходи через пять минут. Встретимся в метро «Алтуфьево»!

И убежала.

Через пять минут Сколот для конспирации взял гитару и поехал будто бы на работу. И всю дорогу, словно своим топливом, подогревался мыслью, что произойдёт невероятное, приоткроется некий выход из безурочного, беспутного существования. Он вываривал в себе это смутное чувство до состояния чистого железа и подспудно верил в чудо, которое очень легко перевоплотит его в драгоценный металл...

Роксана ждала в метро и здесь, не опасаясь ничего, сразу же взяла Сколота под руку. Её распирало от радости и воз-

вышенных чувств, хотя говорила она о вещах приземлённых и даже печальных.

— Мы с девчонками снимали квартиру в этом районе, когда я приехала в Москву, поступать, — на ходу полушёпотом рассказывала Роксана, и от дыхания её трепетало сердце. — И я чуть не попала в рабство. Об этом даже Корсаков не знает... Хозяйка нас сдала работорговцу! Мне чудом удалось бежать в самый последний миг. А подружек продали в Турцию. Я теперь так боюсь этого места! С тех пор ни разу не была... Но с тобой мне не страшно!

— Куда мы идём? — внутренне содрогаясь от её слов, спросил Сколот.

— В музей! Я там двое суток пряталась, когда сбежала, — с восторгом сообщила она. — Случайно заскочила в калитку. Даже не знала, куда попала. Работорговцы рыскали вокруг, весь Лианозовский парк прочесали. В самом музее дежурили! А я открыто ходила по залам. И они меня не заметили! Представляешь?!.. Потом охранник не увидел, когда делал обход перед закрытием. Я встала возле одного полотна прямо на глазах у него — мимо прошёл! И вот когда выключили свет, всю ночь бродила по музею и смотрела картины.

В этот миг он вспомнил: Белая Ящерица видела в темноте! И затаил дыхание.

— Нет, у меня самое обыкновенное зрение! — угадала его мысли Роксана. — Но там на полотнах много огня, света. А на некоторых горят свечи и освещают ярче, чем настоящие! Живой огонь! Можно руки греть... Твои песни похожи. Придём — сам увидишь!

Её чувства странным образом завораживали Сколота, вынуждали непроизвольно любоваться ею, и он старательно отворачивался или озирался по сторонам, делая скучный вид.

— Тебе неинтересно? — вдруг спросила она.

— Нет, как же, интересно, — невыразительно отозвался он. — Кто художник? Я, может, знаю...

— Сейчас придём — увидишь! — всё ещё интриговала Роксана. — Алёша, а почему ты только в переходе поёшь? Тебе надо на эстраду! На экран!

— У меня песни неформатные...

Ей очень хотелось завязать светский разговор, которых Сколот не любил и всячески избегал. А из неё ударил целый фонтан слов и вопросов:

— Что это значит? Как это — неформатные? А у кого форматные? Кто определяет?.. Глупость какая-то! Тебе нужно на сцену. Надо, чтобы твои песни слышали все! Ты какой-то неэнергичный, Алёша. Сейчас так нельзя, сейчас всё приходится пробивать, проталкиваться, как в час пик. Иначе не сядешь в вагон!.. — Роксана неожиданно замолкла и медленно остановилась.

— Мне хватает перехода, — воспользовавшись паузой, проговорил Сколот. — Я пою для тех, кто меня слышит. Я не артист...

Она не слышала, глядя куда-то выше его головы.

— Смотри, — наконец прошептала и указала рукой. — Что это?

Сквозь голые ещё, весенние кусты и деревья он увидел белый особняк с выбитыми окнами, в чёрных разводах копоти и с полуобрушенной, прогоревшей крышей.

— Здесь был пожар, — вымолвил Сколот и узрел страх в глазах Роксаны.

— Это музей художника, — выдохнула она, — Константина Васильева...

Железные ворота и калитка были заперты изнутри на висячие замки — и ни единого человека вокруг. Только где-то в глубине огороженной части парка тревожно лаяла собака.

— Тут есть ещё одна калитка, — вспомнила Роксана и решительно направилась вдоль изгороди. — Чёрный ход... Но как? Почему пожар? Отчего?

— От огня, — обронил Сколот. — Который на полотнах как живой...

Только что сиявшее от радости лицо её превратилось в гипсовую маску, и от этого ещё ярче стала зелень глаз.

— Скорее всего, — серьёзно произнесла она. — Самовозгорание...

Калитка оказалась незапертой, однако на территорию их не пустил внезапно возникший из кустов парень с бейсбольной битой.

— Музей закрыт! — предупредил он. — Поворачивайте!

— Неужели картины сгорели? — спросила Роксана.

— Картины украли, — был ответ. — Здание подожгли и землю продали.

— А можно посмотреть?

— Здесь ничего нет.

Парень угрожающе поиграл битой.

— На что посмотреть?

— Тогда что вы здесь охраняете?

— Место! Здесь особое место силы.

Из кустов явился ещё один юный мóлодец с бородкой и деревянной булавой. Роксана потянула Сколота прочь.

— Опоздали... Но твои песни и правда похожи на его картины!

— Мне до сих пор кажется, тут везде была война, — неожиданно для себя признался Сколот. — И люди живут как после войны, после голода. Копшатся в развалинах... Одежды яркие, а лица серые, как на пепелище. А я отсутствовал всего одиннадцать лет...

— Где же ты был? — чего-то испугалась она. — Где, Алёша?

— На учёбе, — буркнул он, опасаясь, что сейчас опять последует обвал вопросов.

— Ничего, я найду альбом с репродукциями, — вдруг слегка вдохновилась Роксана, — и покажу тебе. Хочется, чтоб ты сам увидел и убедился, как похоже!

* * *

После неудачной поездки в музей художника Роксана несколько дней не давала о себе знать, даже шагов наверху не было слышно. Сколот решил — куда-то уехала, и, намявшись от домашнего безделья, вновь водрузил под вытяжку тигельную печь, разложил на полках свои алхимические вещества и принялся плавить заработанные в переходе монеты. В принципе на это годилось любое железо, однако он

из символических соображений использовал только деньги. Когда монетная сталь превращалась в драгоценные металлы, он отливал те же монеты, только уже золотые и серебряные, после чего запускал их в оборот, покупая в палатках пирожки и минеральную воду.

Сначала это было не просто спасением от грядущей участи юродивого — неким технологическим вызовом чуждому миру, в коем он жил. Сколот наивно полагал, что его фальшивомонетничество наконец-то обнаружат, например банки и коллекционеры, поэтому покупал нумизматические журналы и смотрел по телевизору криминальные новости. Однако две сотни пятирублёвиков и полтинников, запущенных в кошельки и инкассаторские сумки, словно растворились среди стальных монет. Люди носили в карманах серебро с золотом, совершенно не подозревая о том, опять покупали на них пирожки с водой, и это лишний раз доказывало формальность и бессмысленность денег, но ничего более.

Технологического вызова не получилось, и Сколота осенила другая мысль: он стал отливать из серебра и золота причудливые гребни-венцы по собственным эскизам и в модельных формах. Сначала он лепил свои изделия из воска, всякий раз придумывая новые орнаменты для венчика, выглаживал и зачищал каждый завиток узора и зубчик, после чего выставлял макет в опоку, используя обыкновенную кастрюлю. Не менее сложно было приготовить высокотемпературную гипсовую смесь, которой потом заливалась восковая модель и проходила через вибростол — включённую стиральную машину. Когда раствор застывал, Сколот выжигал воск, промывал форму специальным раствором и лишь потом разогревал её и заливал серебром, осаживая его с помощью центрифуги, сделанной из велотренажёра. Это его ювелирное производство было самодеятельным, древним и кропотливым, однако доставляло истинную радость, когда, разбив форму, он извлекал изогнутый, для женской головки, гребень и делал окончательную доводку, шлифовку и покрытие никелем или томпаком, снятым с монет. Поэто-